

Peter H. Stephenson: *The Hutterian People: Ritual and Rebirth in the Evolution of Communal Life*. N. Y.; L., 1991.

Книга живущего в Канаде американского антрополога Питера Стивенсона посвящена гуттерам — одной из сект радикально-протестантского толка. Она возникла в начале 30-х годов XVI в. в Моравии среди чехо-моравских анабаптистов, на которых значительное влияние оказали эмигранты-анабаптисты из Тироля, бежавшие сюда после поражения крестьянской войны в Германии. Название «гуттеры» происходит от имени Якоба Гуттера — человека, сыгравшего большую роль в формировании общин этого направления, выступавшего против частной собственности, насилия, за полную общность имущества сектантов и общественные принципы быта. Вся история гуттеров — это переезды из страны в страну в поисках убежища от преследований по религиозным мотивам. В XVII в. гуттеры поселились в Трансильванию, затем через 150 лет переезжают в Валахию, где проводят три года (1767—1770 гг.). В 1770 г. вместе с переселенцами из Западной Европы, привлеченными Екатериной II в Российскую империю, гуттеры оказались на плодородных землях Украины. Вышедший в 1874 г. Закон о всеобщей воинской повинности в России вновь вынудил гуттеров, убежденных пацифистов, покинуть насиженные места. 365 сектантов переехали в Америку, где основали сельскохозяйственную коммуну в штате Северная Дакота. Вступление США в первую мировую войну в 1917 г. повлекло за собой всеобщую мобилизацию, которой гуттеры избегали. Отказы от службы, а также немецкое происхождение сектантов стали причиной того, что вокруг них сложилась обстановка нетерпимости и обструкции, вынудившая гуттеров переехать в 1918 г. в соседнюю Канаду и начать освоение земель в провинциях Манитоба и Альберта. Во время войны с гитлеровским фашизмом история, однако, повторилась. В 1942 г. власти Альберты издали «Акт о запрещении продажи земли союзникам врага», среди которых оказались гуттеры и почему-то русские духовоборы. После войны закон был скорректирован, однако ограничения на землепользование сохранялись до начала 1970-х годов, что заставляло гуттерские братства мигрировать внутри страны в провинции Саскачеван.

В наши дни в Канаде проживает около 30 тыс. гуттеров. Как и родственные им и также проживающие в большинстве своем в Северной Америке меннониты, гуттеры проповедуют полный отказ от участия в войнах, конфликтах с применением насилия, государственных делах, а также скромность и непритязательность в быту. Но если меннониты ведут активную миротворческую и экуменическую деятельность, имеют свои издательские и научные учреждения — словом, в значительной мере включены в общественную жизнь, то гуттеры и по сей день сохраняют практически неизменными свой традиционный уклад, живя обособленными в экономическом и социально-культурном отношениях общинами, связи которых с внешним миром сведены к абсолютному минимуму. Именно обособленность гуттеров, сохранение у них ряда культурных явлений в чистом виде делает их интересным объектом исследования.

В библиографии к рассматриваемой работе можно насчитать более десятка книг и статей, непосредственно посвященных истории и культуре гуттерских братств, и все они принадлежат либо американским, либо канадским авторам. В СССР изучались меннониты. Известна монография А. Н. Ипатова¹, а также опубликованные в последнее время в изданиях Института этнологии работы Е. А. Шервуд и И. Г. Остроух², однако в этих исследованиях рассматривается прежде всего соотношение конфессионального и этнического в языке, культуре, самосознании членов сект-общин. Кроме того, следует учитывать, что работа А. Н. Ипатова, вышедшая в конце 1970-х годов, несет на себе печать определенной идеологической заданности, характерной для религиозно-литературных текстов тех лет.

П. Стивенсон в своей работе задается целью рассмотреть гуттеров как целостную «кибернетическую» систему во взаимодействии ее различных характеристик. «Изучалась аграрная культура гуттеровских общин, система управления, отношения между колониями как пример кооперативных взаимосвязей... к этому следует добавить, — указывает автор, — религию, обычаи, догматы гуттеров о Троице, пришествии ангелов и т. п.» (с. 5). Исследовательский интерес ученого обусловлен не только и не столько культурной спецификой гуттеров, сколько тем, что последние представляют собой компактную, легко исследуемую популяцию, в которой самым тесным образом взаимообусловлены и взаимосвязаны историческое наследие, хозяйственный уклад, быт и духовная культура. Характерно приведенное Стивенсоном высказывание одного из специалистов по гуттерам — Дж. Беккета: «Гуттеры — это не община и не племя, но народ или нация со своей письменной историей и социальной системой, имеющей свое историческое обоснование. Их нельзя изучать вне связи с историей; классический этнологический стиль исследования здесь не подходит». Автор развивает эту мысль: «...и вне связи с духовной культурой» (с. 49), ибо «социальное устройство гуттеров — это неотъемлемая часть их религии» (с. 9).

Можно, безусловно, дискутировать по поводу того, какой смысл вкладывают в такие основополагающие понятия как «народ», «нация» те или иные научные школы, но приведенные цитаты, на наш взгляд, свидетельствуют что Стивенсон в данной работе формирует два очень ценных положения методологического характера. Первое из них состоит в том, что исследование подобных гуттерам малых общностей должно проводиться в самом широком историко-культурном контексте, а их результаты могут быть экстраполированы на более общие вопросы человеческого бытия. Отсюда широкая междисциплинарная основа рецензируемой работы. В ней собран и проанализирован материал по истории, экономике, демографии, социальной структуре общин, теологии и космогонии гуттеров. Широко используется понятийный аппарат теории систем, психоанализа и ряда других

естественных и точных наук. На страницах книги обильно цитируется самая разнообразная литература от Библии до «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Обращает на себя внимание в связи с этим и стилистическое построение монографии. Язык таких глав как «Жизнь гуттеров в Америке», «Рост и деление общин» порой протокольно сухой, здесь много таблиц и графиков. В разделах же «Этос и эйдос», «Космос и символы антиматериализма», автор предстает перед читателем не только как ученый, но и как незаурядный эссеист, хорошо владеющий подлинной литературной манерой изложения.

Второе основополагающее для общей концепции рассматриваемой работы положение заключается в том, что исследователь стремится найти и вычленил некий первоначальный фактор, на основе которого формируется гуттеровский социум. И совершенно справедливо, что ищется этот «общий знаменатель» в отношении этноконфессиональной общности именно в сфере религии, причем не только во внешних, поведенческих ее формах, но прежде всего в доктринальных принципах исповедания.

Такой первоосновой для гуттерства, как и других направлений анабаптизма, стало крещение взрослых по сознательному отношению к вере. Только крещение становятся полноправными членами общины и поэтому пространственно-временное отношение к крещению определяет хозяйственную структуру гуттеровских поселений, жилищное размещение, повседневный быт и уровень социализации молодого поколения.

Следует отметить, что в отличие даже от догматически близких деноминаций гуттеры воспринимают акт крещения в духе понятия «экзистенциальная религиозность». Для них это приобщение к истинному Богу не только по духу, но и по плоти. В подзаголовок книги вынесены слова: «Ритуал и перерождение в эволюции общинной жизни». Стивенсон показывает, как крещение из ориентированного на индивидуума акта превратилось в ритуальный символ коллективного сознания членов общины, как с течением времени менялась иерархия ценностей гуттеров. Если в первые века истории анабаптизма гуттеровского толка во главу угла ставился сознательный, индивидуальный приход в исповедание, то с середины XIX в. высшей ценностью становится община как подлинное «тело Христово». Акт крещения начинает занимать подчиненное по отношению к ней положение; крещение становится как бы «воротами», в которые необходимо войти человеку, чтобы переродиться во второго Христа и обрести в общине всю полноту жизни в Боге.

Полностью сакрализовано миропонимание гуттеров. Этому вопросу в книге посвящена глава «Этос и эйдос». Рассматривается в ней по преимуществу «эйдос», понимаемый автором как мировоззрение (world-view), а понятие «этос» по отношению к изучаемому предмету фактически не формулируется, ибо в центре исследования находится община, а не индивид. «Эйдос» гуттеров, по мнению Стивенсона, это ни в коей мере не образ того окружения, в которое они включены хронологически или географически. Мир гуттеров — это Ветхий и Новый заветы, установления родоначальников секты, народная демонология, первоисточником своим опять же имеющие библейскую традицию. Автор приводит факты, показывающие, как глубоко вошли многие христианские символы в ритуальные циклы и духовную жизнь гуттеров. Это касается и наиболее чтимого догмата о св. Троице. Мистическая «троичность» прослеживается в концепции крещения по плоти, крови и духу; история мира также делится на три периода: первый — «Ноя Праведника», второй — «Закон от Моисея до пришествия Иисуса», третий — «финальный, час которого уже близок». Троица и богослужебная практика. Еженедельно проводятся три главных молитвенных собрания — одно в субботний вечер и два в воскресенье. Три годовых религиозных праздника — Рождество (Weihnachten), Пасха (Oster) и Пятидесятница (Pfingsten) празднуются в течение трех дней каждый.

Составная часть гуттеровского «эйдоса» — это полное и четкое противопоставление себя окружающему миру, «невключенность» в него в соответствии с евангельскими заветами. В книге отмечается, что эти противопоставление и отчужденность проявляются у гуттеров даже на уровне эмоционально-чувственного восприятия образов. Так, в общинах через определенные равные промежутки времени звонит колокол, оповещающая о начале или конце работ, чаше приема пищи и т. п. Если же колокол в нужное время не звонит, то для гуттера это означает, что пришло время молитвы и богослужения, в то время как в общехристианской традиции колокольный звон символизирует начало литургического действия.

В каждом отзыве на книгу есть несколько строк, где рецензент пишет о том, что, по его мнению, отсутствует или в недостаточной мере отражено на прочитанных им страницах. Есть, безусловно, и замечания к работе Стивенсона. Так, на наш взгляд, не всегда экскурсы в психоанализ и теорию систем органично вписываются в канву основного повествования и способствуют четкому формулированию основных концептуальных начал работы. Можно было бы более широко использовать этнографические и фольклорные материалы, которые в контексте других данных способствовали бы оптимальному раскрытию темы. Интересны были бы социологические описания гуттеровских общин с точки зрения окружающего их общества. Большой акцент следовало бы сделать на анализе гуттеровского мировоззрения как христианского и в этой связи проанализировать богослужебное толкование Библии, специфическое восприятие гуттерами исторических и космографических реалий, содержащихся в Священном Писании. Из содержания книги можно заключить, что автор вел исследования в этом направлении, однако их результаты все-таки недостаточно полно отражены в данной работе.

Но все это никоим образом не рассматривается как недостатки очень ценного и интересного труда американского ученого. В эпилоге Стивенсон сам заявляет о заранее запрограммированной известной неполноте и незавершенности своего труда, ибо основной целью его было найти тот «алгоритм», который делает гуттеровскую общину «кибернетической самовоспроизводящейся системой». Но ни один алгоритм не в состоянии определить все возможные события и явления. «В алгоритме не заложено сведений, когда точно встанет компьютер, родится младенец, умрет старик

или начнет разделяться гуттеровская колония» (с. 202). Что же, пусть эта «незавершенность» (incomplete conclusion) станет для отечественных научных кругов, которые захотят ознакомиться с книгой Стивенсона, приглашением и стимулом к дальнейшим исследованиям и разработкам в области комплексного и многопрофильного религиоведения, которых в нашем гуманитарном знании пока еще недостаточно.

В. М. Емельянов

Примечания

¹ *Ипатов А. Н.* Меннониты (вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978.

И. Г. Остроух, Е. А. Шервуд. Меннониты Оренбургской области. (Ротапринтное издание ИЭиА АН СССР.) М., 1991.